

Риски современной России

Девياции, социальный контроль и риски взросления в современной России

Хагуров Темыр Айтчевич – ведущий научный сотрудник ИС РАН, профессор Кубанского государственного университета, доктор социологических наук

E-mail: khagurov@mail.ru

Девиации, социальный контроль и риски взросления в современной России

Аннотация

Статья посвящена описанию и анализу рисков взросления, обусловленных системными дисфункциями основных институтов социализации и социального контроля – семьи, школы, права, культуры. Теоретические размышления соотносятся с большим объёмом данных эмпирических исследований. Автор размышляет над возможными путями выхода из сложившегося кризиса воспитания.

Ключевые слова: риски взросления, девиантное поведение подростков, кризис социальных регуляторов, массовое искусство, миссия интеллигенции

Вводные замечания: «трудные подростки» в «трудном обществе»

Отправной точкой этой публикация стали материалы шести региональных исследовательских проектов, проведённых в Краснодарском крае в 2005-11 гг. под научным руководством автора при поддержке различных муниципальных и региональных органов власти¹. Схожесть методик формулировки вопросов и анализа ответов позволяет сопоставить

¹ Исследования: 1) «Проблемы современной школы» (2005-06 гг., опрос школьников 9-11-х классов 20-ти школ г. Краснодара, их родителей и учителей, N=2023 человек, при поддержке управления образования г. Краснодара); 2) «Выпускники 2006» (2006 г., опрос выпускников 11-х классов 20-ти школ г. Краснодара, их родителей и учителей, N=1330 человек, при поддержке управления образования г. Краснодара); 3) «Трудные подростки Краснодарского края» (2007 г., интервьюирование «трудных», т. е. состоящих на учёте в ОПДН, учащихся 9-11-х классов школ Краснодарского края, N=354 человека, при поддержке отдела по делам несовершеннолетних администрации Краснодарского края); 4) «Молодёжь Кубани 2008» (2008-09 гг., опрос/интервью представителей учащейся и работающей молодёжи в возрасте 15-26 лет в различных районах Краснодарского края, N=354 человек, при поддержке департамента молодёжной политики Краснодарского края); 5) «Руководители муниципальных ОДН о “трудных” подростках и своей работе» (2010 г., экспертный опрос руководителей муниципальных отделов по делам несовершеннолетних Краснодарского края, N=53 (100-процентный охват), при поддержке отдела по делам несовершеннолетних администрации Краснодарского края); 6) «Трудные» подростки Краснодарского края: поведение, ценности, проблемы» (2011 г., опрос/интервью несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении и/или трудной жизненной

результаты этих проектов и поразмышлять над тем, что же сегодня происходит со взрослеющими детьми и обществом, в котором им приходится взрослеть.

Наша попытка таких размышлений опирается на результаты исследований в Краснодарском крае. Однако мы убеждены, что сами размышления могут быть экстраполированы на ситуацию в других регионах и России в целом. В сегодняшних проблемах молодёжи доминируют макро-факторы, оттого эти проблемы достаточно универсальны и типичны.

Устоявшееся выражение «трудные подростки» отражает всю сложность воспитания определённой части детей и растерянность педагогов. А сегодня «обычных» подростков почти не отличить от «трудных», они оказываются в «трудном обществе», вызывающем растерянность профессиональных социологов. И они вместе (педагоги и социологи) не знают, что делать с этими подростками. В настоящей работе нет ответов (по крайней мере ясных и окончательных) на очень и очень многие вопросы, скорее это приглашение к совместному размышлению над вопросами, которые довольно просты. *Во-первых, кто он такой* – сегодняшний «трудный» (да и «обычный») подросток? Есть много оснований полагать, что он для нас (взрослых, занятых «работой с детьми и молодёжью») «знакомый незнакомец»: каковы его цели, интересы, обычные занятия? Что он любит, чего хочет, чего боится? Кому доверяет, на кого хочет быть похожим? *Во-вторых, что происходит вокруг него* (и нас) – в каком обществе сегодняшнему подростку приходится взрослеть, любить, страдать и совершать ошибки? Современность стала пугающе сложной. Не зря З. Бауман назвал её «текучей». Как изменяются сегодня семья, школа, возможности и критерии достижения социального успеха, нравственно-правовая сфера? Какие социальные «ямы» подстерегают нашего подростка и какие «якоря» могут удержать его от падения? И, *наконец, что делать?* Что делать педагогам, родителям, практикам-управленцам социальной сферы, сотрудникам отделов по делам несовершеннолетних в полиции? Какие методы воспитания сегодня нужны? В чём изюминка современной педагогики «трудных детей»? Попытки ответов на некоторые из этих вопросов представлены ниже.

Постановка проблемы

Характерной чертой социальной действительности последних десятилетий (российской особенно, но не только) является увеличение масштабов и форм разнообраз-

ситуации и состоящих на учёте в отделах по делам несовершеннолетних муниципальных образований Краснодарского края, N=800, при поддержке отдела по делам несовершеннолетних администрации Краснодарского края).

ных девиаций на всех уровнях: социально-институциональном, социально-психологическом, личностно-психологическом. Социальная фактография, подтверждающая этот тезис, огромна, поэтому приведём лишь несколько цифр.

Девииации в сфере межполовых отношений: к 11-му классу опыт сексуальных отношений имеют 35,6% девушек и 55,4% юношей. С 1989 г. доля внебрачных рождений более чем удвоилась – с 14 до 30%. При этом у матерей до 20 лет она ещё выше – 45%. Как следствие, с начала 1990-х гг. Россия занимает одно из первых мест в мире по уровню абортс (более 1 млн в год) [Проблемы духовно-нравственного... 2009].

Уровень душевого потребления алкоголя в России является одним из самых высоких в мире и составляет 18 л а. а. (абсолютного алкоголя) в год на человека (согласно определению ВОЗ опасным для здоровья является уровень 8 л а. а. в год) [Позднякова 2010: 36]. По данным Генпрокуратуры, в стране 178 тыс. детей-алкоголиков, пик массового приобщения к алкоголю сместился из возрастной группы 16-17 лет в группу 13-15-летних, а возраст первой пробы – к 10-12 годам. Показатели женской алкоголизации выросли в четыре раза за последние 10 лет. Сегодня только на официальном учёте состоит 418 тыс. алкоголичек; по экспертным оценкам, их в 10 раз больше [Позднякова 2009: 197].

Россия находится на одном из первых мест в мире по уровню самоубийств среди подростков – средний показатель самоубийств среди населения подросткового возраста более чем в 3 раза превышает средний показатель в мире [Статистика самоубийств... 2012].

Количество рецидивных преступлений в России в 2010 г. увеличилось на 40%, из них более 60% составляют тяжкие и особо тяжкие преступления. При этом самый высокий процент рецидива зафиксирован в молодёжной среде, в группе 22-24-летних [Комлев 2011].

Статистика убийств по сравнению с советским периодом возросла более чем в пять раз и, несмотря на относительный спад в конце в 2000-х гг., сейчас вновь имеет тенденцию к увеличению: в 2010 г. этот показатель составил 27 человек на 100 тыс. населения. [Краткий анализ состояния преступности... 2012].

Простое изложение лишь основных фактов, иллюстрирующих масштабы распространения девиаций в современной России (где очень своеобразно проявляются *общемировые* тенденции), потребует отдельной монографии.

Фактически мы наблюдаем глубокий кризис институтов социального контроля и социальных регуляторов вообще. Ключевые агенты и инструменты социального контроля утрачивают способность к социальной регуляции. Семья и школа перестают воспитывать, юстиция и право – сдерживать, право-

охранительные структуры – пресекать, культурные институты – и это, на наш взгляд, главное – транслировать обществу подлинные (т. е. способствующие достижению целей социальной солидарности и развития) смыслы и ценности.

Соответственно, сегодня в обществе в целом и в системе социального контроля в особенности существует явно артикулируемый запрос на создание и внедрение эффективных механизмов социальной регуляции: антикоррупционных и правоохранительных, профилактических и коррекционных, финансовых и правовых, и т. д. При этом общая позиция практиков (из институтов власти, образования, МВД и т. д.) подчеркнута прагматична и в обращении к потенциалу социальных наук звучит так: не надо нам заумной теории, дайте работающие технологии и механизмы.

Ясно также, что в сложившихся социокультурных условиях никакие механизмы и технологии не будут работать эффективно. Это можно проиллюстрировать на примере самого, наверное, известного (и – подчеркнём – очень грамотно и последовательно внедрённого в социальную практику) антикоррупционного механизма – ЕГЭ. Основной аргумент в пользу его внедрения – высокий уровень коррупции при поступлении в вузы. В результате – что ни год, мы наблюдаем череду коррупционных скандалов вокруг ЕГЭ. Это вполне закономерно.

Для пояснения приведём другой пример: введённый во многих регионах России (инициатором был Краснодарский край) «детский комендантский час» – запрет на нахождение несовершеннолетних вне дома без сопровождения взрослых после 22.00. Этот закон может загнать детей домой. Но может ли он заставить родителей любить детей и заниматься ими? Ответ, думается, очевиден.

Кризис социальных регуляторов

Любые внедряемые сегодня механизмы (правовые или экономические) не будут эффективно работать в силу глубочайшего социокультурного кризиса, суть которого может быть выражена с помощью следующей базовой метафоры.

Представим общество в виде бочки, внутрь которой налита вода человеческих страстей, потребностей и желаний. Стенки бочки – это базовые социальные регуляторы: мораль, религия, семья, традиция и культура вообще (в первую очередь массовые виды искусства). Эти стенки скреплены железными обручами Права и Экономики. Когда стенки бочки по какой-то причине сгнили, то сколько ни надевай сверху обручей – правовых механизмов, – бочка всё равно будет протекать: страсти и желания вырвутся наружу. Что мы и наблюдаем последние 20 лет.

Фактически мы наблюдаем глубокий кризис институтов социального контроля и социальных регуляторов вообще.

Такое состояние общества может быть концептуализировано как кризис идеального [Хагуров 2010]. Теорию анализа такого состояния социума с позиций моральной философии глубоко разработал А. Макинтайр [Макинтайр 2000]. Коротко коснёмся основных идей этого анализа.

Существование общества требует включения отдельных индивидов в разнообразные социально значимые виды деятельности – *социальные практики*: добывание пищи и других ресурсов, управление, оборона от внешних врагов, накопление и передача знаний и т. п. Все социальные учреждения и институты с необходимостью опираются на те или иные практики (науки, образования, архитектуры, медицины, управления и т. п.). Чтобы эта социально значимая деятельность стала возможной (вне зависимости от её конкретного содержания), необходимо навязать (привить, передать) отдельным индивидам некие общие стандарты или принципы поведения. Другими словами, необходимы *правила игры*.

Люди, участвующие в практиках, руководствуются двумя видами мотивов: внутренними («идеальными») и внешними («эгоистическими»). К внутренним относится специфическое удовольствие, получаемое посредством участия в практике (то, что выражается словами: Долг, Призвание, Любимое дело, – т. е. мотивы социального служения и любви), к внешним – блага, которые можно получить любым другим способом: деньги, власть, чувственные удовольствия.

Индивиды, участвующие в практике, *должны обладать идеальной мотивацией* (стремиться к внутренним благам). Стремление исключительно к внешним благам (деньгам, власти, удовольствиям) – разрушают практики. Когда же критическая масса носителей идеальной мотивации падает ниже какого-то уровня (этот уровень трудно локализуем, но он есть), то начинаются разнообразные дисфункции социальных институтов (нарушения правил игры), перерастающие в их коллапс и далее – системный социальный распад, на пороге которого находится сегодня российское общество. Системный социальный распад – это масштабное разрушение ключевых социальных практик – права, здравоохранения, управления, обеспечения безопасности и т. д. Фактически начальная стадия этого процесса разворачивается на наших глазах последние 20 лет с различной интенсивностью, большей в 1990-е гг. и меньшей (но не отменяемой!) – в 2000-е гг.

В подобной ситуации в первую очередь страдают такие институты, как семья, школа и право, кризис которых наиболее глубоко, на наш взгляд, концептуализируется западными обществоведами [Бауман 2002; Бьюккенен 2003; Бодрийяр 2000].

Наиболее заметным результатом этого кризиса становится сбой социализирующей функции данных институтов, продуцирующий комплекс специфических рисков – рисков взросления. Несмотря на то, что феномен рискогенности современного социума анализируется достаточно глубоко [Кравченко 2011], данная группа рисков практически не описана в литературе. Попробуем сделать это в первом приближении.

Риски взросления

Нормальное взросление есть постепенное возрастание свободы (автономности) и ответственности (за себя, окружающих, мир) в поступках и поведении ребёнка. Это возрастание личности возможно лишь при участии значимых взрослых, находящихся с ребёнком в иерархических отношениях любви и заботы (взрослый) и послушания (ребёнок) [Остапенко 2011]. Одна из главных задач взрослого – сформировать ценностную позицию, преодолевающую индивидуальный эгоизм, иначе не может быть ответственности как условия социальной зрелости и той идеальной мотивации, которая необходима для поддержания практик. Своеобразным и очень значимым «помощником» взрослых традиционно выступало массовое искусство, в первую очередь литература и кинематограф, транслирующие идеальные ценности и примеры для подражания.

Риски взросления являются результатом нарушения нормальных (основанных на любви и иерархии) детско-взрослых отношений и эрозии идеального начала в культуре. На наш взгляд, в современном обществе (российском, прежде всего) эти процессы связаны с экспансией массовой потребительской культуры, несущей ценности индивидуализированного гедонизма и нравственной эмансипации [Потреблятьство... 2003]. Сущность этих рисков заключается в невозможности достижения настоящих свободы и/или ответственности в поведении ребёнка и эгоистической деформации его нравственной позиции. Результатом становится увеличение числа носителей «внешней» мотивации в социальных практиках, что ещё больше углубляет их кризис и продуцирует ещё большие риски, круг замыкается.

К основным рискам взросления можно отнести следующие:

1. Риски, связанные с семьёй. Кризис семьи давно стал избитой темой, но наиболее тревожные его формы являются наименее обсуждаемыми. Это прежде всего потребительская деформация так называемой «нормальной» семьи. Семьи, где есть оба родителя, где нет явной асоциальности (что не означает отсутствия скрытой), где о ребёнке заботятся. Но забота эта главным образом сводится к материальной стороне жизни

Риски взросления являются результатом нарушения нормальных (основанных на любви и иерархии) детско-взрослых отношений и эрозии идеального начала в культуре.

(одежда, игрушки, учёба), при этом детско-родительская близость разрушена потребительскими практиками: папа в своём интернете, ребёнок в своём, мама смотрит телевизор. Реальное время общения членов семьи сокращается до минимума, большую же его часть они, физически находясь рядом, пребывают каждый в своём информационном пространстве. Фактически это ситуация «виртуального исчезновения» значимых взрослых в семье.

2. Следствием первой группы рисков становится рост детско-подросткового одиночества, что также является мощным рискогенным фактором. Риски одиночества – это, во-первых, высокий уровень подросткового суицида, а во-вторых – растущая зависимость от социальных сетей. Это пока крайне малоизученный феномен, но уже ясно, что детский социальный интернет стал небезопасной территорией, заимствующей и часто гипертрофирующей традиционные проблемы подростковых компаний: травлю аутсайдеров, агрессию, распушенность и пр. [Солдатов 2012].

3. Риски, связанные со школой. Превращение образования из сферы воспитания «разумного, доброго, вечного» в сферу услуг имеет фатальные последствия как для собственно образования, так и для воспитания [Хагуров 2006; 2011]. Вслед за родителями учителя перестают быть значимыми взрослыми, превращаясь в «поставщиков образовательных услуг», что означает разрушение подлинно продуктивных, основанных на любви и иерархии детско-учительских отношений. Результатом становится катастрофическое снижение внутренне мотивированного отношения к знаниям – любознательности и любви к предмету. Их заменяет потребительский запрос на *useful knowledge* – полезные знания. Как следствие – растущий прагматизм участников социально значимых практик. Кроме того, школа фактически лишается возможности выступить в роли социального компенсатора семейных дисфункций, что хотя бы отчасти получалось у неё в советское время.

4. Наконец, самая большая группа рисков связана с *нормативной инверсией* массового искусства, являющейся следствием разрушения идеального начала в культуре. Как уже говорилось, массовое искусство традиционно выступало одним из значимых агентов социализации, транслятором идеальных ценностей. Примерно с 1960-х гг. проявилась и всё более утверждается опасная тенденция заигрывания с «принципом удовольствия» массового зрителя и читателя – стремление предложить ему новые, «щекочущие» зрелища и сюжеты. Одним из таких завлекающих приёмов является переворачивание ценностей с ног на голову, рокировка «плохих парней» с «хорошими». Традиционный герой – обаятельный защитник

социально значимых ценностей уступает место новому герою – симпатичному негодяю, который и становится образцом для подражания сегодняшних тинейджеров.

От теории – к фактографии

Обратимся к некоторым результатам исследований, о которых мы упоминали в начале и которые, как нам кажется, могут проиллюстрировать наши рассуждения о рисках взросления [здесь и далее изложено по: «Трудные» подростки... 2011].

Свободное время

Знание того, как подростки проводят своё свободное время, даёт более надёжные основания судить об их реальных (актуальных) ценностях, интересах и устремлениях, нежели словесные оценки и характеристики. Как и в других вопросах, респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа из предложенного списка, либо вписать свой собственный вариант. Эти данные хорошо иллюстрируют, на наш взгляд, реальную инфантильность большинства представителей учащейся молодёжи (см. таблицу 1).

Таблица 1

Как обычно школьники проводят своё свободное время, % *

Варианты ответов	2005, учащиеся 9-11-х классов	2006, выпускники школ	2007, «трудные подростки»**	2008, учащаяся молодёжь	2011, эксперты ОДН***	2011, подростки МЛС****	2011, подростки КДН*****
Читают книги	25,2	16,8	17,8	23,7	4,0	11,7	10,7
В компании друзей	84,4	23,5	71,9	57,0	88,0	31,7	57,9
Смотрят телевизор/ DVD	17,3	28,4	50,1	29,6	24,5	13,3	30,5
Занимаются спортом	18,2	27,7	39,5	25,9	14,5	26,7	29,1
Готовятся к занятиям/ урокам	23,8	26,0	31,5	19,3	0	21,7	18,3
Играют на компьютере	16,6	16,1	33,8	10,0	39,3	18,3	22,9
Путешествуют по интернету	15,1	8,4	6,3	9,0	12,6	46,7	21,8
Занимаются музыкой, рисованием	7,9	–	11,7	6,5	2,1	18,3	8,4

Продолжение таблицы 1

Варианты ответов	2005, учащиеся 9-11-х классов	2006, выпускники школ	2007, «трудные подростки»**	2008, учащаяся молодёжь	2011, эксперты ОДН***	2011, подростки МЛС****	2011, подростки КДН*****
Ничего не делают (спят, валяются, скучают)	4,2	12,6	7,2	5,9	18,7	8,3	3,5
Готовятся к поступлению в вуз	3,1	29,1	-	-	-	-	-
Ходят на дискотеки, в клубы, бары	6,7	11,6	27,2	17,8	10,5	58,3	10,9
Общаются с друзьями по телефону	-	31,6	33,0	10,6	29,8	18,3	18,2
Занимаются домашними делами	18,2	22,1	-	-	-	-	-
Со своей девушкой (парнем)	-	-	28,7	30,8	10,3	35,0	19,3
Слушают музыку	23,5	-	48,1	35,8	4,3	46,7	27,3
Подрабатывают	-	-	8,3	13,1	12,2	21,7	8,9
Другое	-	-	-	-	16,5	3,3	3,1
Всего	264,2	253,9	415,1	295,0	287,3	380,0	290,8

*Сумма цифр в колонках превышает 100%, т. к. можно было отметить любое число ответов.

**Подростки, состоящие на учёте в комиссиях по делам несовершеннолетних (КДН) и защите их прав Краснодарского края, опрошенные в 2007 г.

***Сотрудники отделов по делам несовершеннолетних.

****Подростки из мест лишения свободы (МЛС) – воспитанники Белореченской колонии для несовершеннолетних.

*****Подростки, состоящие на учёте в комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав Краснодарского края, опрошенные в 2011 г.

Большую часть в структуре свободного времени, согласно их ответам, занимают: *общение со сверстниками (впереди с большим отрывом); просмотр телевизора и слушание музыки; подготовка к урокам/поступлению в вуз и занятия спортом.*

В целом из ответов школьников видно, что не более 20-25% из них систематически используют свободное время для саморазвития (чтения книг, занятия спортом, музыкой). Для большинства же представителей учащейся молодёжи приоритетным является досуговое времяпрепровождение.

Мы не приводим в таблице ответы учителей и родителей, однако следует заметить, что они расходятся в описании свободного времени своих детей/учеников. Учителя представ-

ляют себе структуру свободного времени учащихся, наполненную преимущественно развлечениями и отдыхом, а не серьёзными занятиями. Родители же значительно чаще приписывают подросткам склонность занимать свободное время продуктивными видами деятельности. Получается, что те и другие не вполне объективны, причём примерно в равной степени. Следует также отметить, что в ответах учителей отчётливо прослеживалось *влияние стереотипов восприятия молодёжи*: «молодёжь только и делает, что играет на компьютере и “сидит” в интернете»; «современная молодёжь не читает книг»; «современная молодёжь любит развлекаться, часто ходит в клубы и на дискотеки». Нельзя говорить, что эти тенденции не существуют, но учителя, по-видимому, несколько переоценивают их распространённость.

Ещё раз подтверждается мысль о том, что система воспитания не обеспечивает вовлечения подростков в продуктивные виды проведения свободного времени (спорт, секции, кружки по интересам). Это приводит к определённой зависимости от непродуктивных, пассивных видов деятельности – просмотр телевизора, слушание музыки, игры на компьютере, совместное бесцельное «тусование» (кстати, высоко девиантогенное).

Следует отметить, что в большинстве исследований проблем современной молодёжи как в нашей стране, так и за рубежом подчёркивается, что бесцельное проведение времени в компании сверстников является мощным фактором совершения правонарушений в подростково-молодёжной среде. Применительно к «трудным» подросткам, это складывается в цепочку: *пропуски занятий и нарушения дисциплины в школе – активное принятие агрессивных моделей поведения (типично для подростковых компаний) – употребление алкоголя – отсутствие продуктивных интересов (спорт, увлечения, учёба) – несформированность/деформация нравственно-волевой регуляции личности – устойчивая вторичная девиантность*.

Эти выводы, как будет показано далее, подтверждаются при внимательном анализе других вопросов – о ценностях, поведении, интересах и образе жизни подростков. Мы же переходим к анализу социального окружения подростков.

Семья и взаимоотношения с родителями

Особый интерес представляют ответы подростков на вопросы о ситуации в семье. Известно, что семья является главным социализирующим институтом и в случае дисфункций семейного воспитания их компенсация со стороны других институтов (школа, ОДН и пр.) оказывается весьма проблематичной. Тем более интересна возможность сравнить ответы о ситуации в семье обычных и «трудных» подростков.

Бесцельное проведение времени в компании сверстников является мощным фактором совершения правонарушений в подростково-молодёжной среде.

Традиционно считается, что «трудные» подростки – это, как правило, выходцы из неблагополучных семей: с одним родителем, с нарушенными социальными функциями (семьи алкоголиков, осуждённых и т. п.). Однако наше исследование 2007 г. дало несколько иную картину. Во-первых, почти половина «трудных» подростков (48,6%) – выходцы из полных семей. При этом у 70% не отмечается конфликтности с родителями. В то же время 42% подростков – выходцы из неполных семей, которые традиционно хуже справляются со своими воспитательными функциями.

Семьи же с двумя родителями заставляют приглядеться к ним внимательнее. С одной стороны, столь значительный процент полных семей, дети которых относятся к категории «трудных», позволяет предположить, что на сегодня семья утрачивает какие-то важные воспитательные функции. С другой стороны, само наличие обоих родителей в семье ещё не доказывает, что семья нормальна. У «трудных» подростков, опрошенных в 2010-11 гг., по составу и благосостоянию семьи ситуация аналогичная. Почти половина из них (46%) – выходцы из полных семей. Материальное положение семей (76,83%) вполне благополучно. Уровень образования родителей «трудных» подростков тоже достаточно высок – 56,4% опрошенных указали, что их родители имеют высшее или среднее специальное образование. Конфликтные семьи, семьи пьющих родителей – традиционные источники девиантного поведения подростков. Поэтому респондентам задавался вопрос о внутренней ситуации в семье и взаимоотношениях родителей.

Таблица 2

Ответы на вопрос: «В твоей семье...», % *

Варианты ответов	2007, «трудные подростки»	2008, учащаяся молодёжь	2011 эксперты ОДН	2011., подростки МЛС	2011, подростки КДН
Тебя любят и о тебе заботятся	50,3	64,9	0	83,3	54,7
Тебе доверяют	49,4	62,6	5,7	75,0	48,6
Очень хорошие отношения между родителями	51,7	58,8	1,9	48,3	41,5
Родители заставляют тебя делать уроки, учиться	44,8	15,0	17,0	48,3	35,6
Позволяют тебе делать всё, что хочется	9,5	13,1	73,6	15,0	8,0
Часто бывают ссоры, конфликты между родителями	11,8	9,6	81,8	15,0	10,1
Тебя часто ругают	17,2	6,7	52,8	21,7	14,3
Обращают на тебя мало внимания	8,0	5,1	90,6	8,3	9,9

Продолжение таблицы 2

Варианты ответов	2007, «трудные подростки»	2008, учащаяся молодёжь	2011 эксперты ОДН	2011, подростки МЛС	2011, подростки КДН
Бывает, что тебя бьют	8,6	2,6	35,8	28,3	5,7
Принято часто (более 1 раза в неделю) выпивать	2,3	2,2	73,6	8,3	5,3
Кто-то из родителей имел срок лишения свободы	5,7	1,9	47,2	18,3	4,6
Очень редко употребляют спиртное	–	–	1,9	33,3	24,7
Другое	–	–	20,8	6,7	4,8
Всего	259,3	242,5	502,7	409,8	267,8

*Сумма цифр в колонках превышает 100%, т. к. можно было отметить любое число ответов.

Результаты ответов на этот вопрос показывают, что большинство семей опрошенных нами подростков вполне «нормальны». По крайней мере, на первый взгляд, в этих семьях нет признаков какого-то неблагополучия. Так, большинство респондентов указали, что в их семьях *очень хорошие отношения между родителями*, они живут *дружно и никогда не ругаются*. По мнению подростков, родители им *доверяют, заставляют регулярно учить уроки, любят их и заботятся о них*. Причём данные, представленные в таблице 2, статистически вполне надёжны – ответы отличаются высокой степенью согласованности. Вместе с тем, нужно учитывать эффект «социальной желательности»: подростки настороженно относятся к вопросам о внутрисемейных делах и чувствуют негативный характер некоторых вариантов ответа. С уверенностью говорить о том, снижается искренность в ответах о семье или нет – трудно. Однако очевидно, что *ответы экспертов на аналогичный вопрос полностью противоположны*. Напомним, эксперты полагают, что в семьях трудных подростков наблюдаются: *во-первых*, явные деформации воспитательной функции («*обращают мало внимания*» – 90%, «*позволяют делать всё, что хочется*» – 74%); *во-вторых*, повышенная конфликтность («*часто ссорятся, ругаются между собой*» – 81%); *в-третьих*, пьянство родителей («*любят выпить за обедом или заужином*» – 74%). С другой стороны, эксперты часто мыслят стереотипно (запоминают наиболее «тяжёлые» случаи неблагополучия), поэтому для уточнения показателей внутрисемейной атмосферы нужны дополнительные исследования.

Ещё один важный показатель внутрисемейной атмосферы – *уровень доверия между подростком и родителями*. Отвечая на соответствующий вопрос («С кем ты обычно делишься своими проблемами и советуешься?»), подростки

в целом подтвердили уже наметившуюся тенденцию – значительный процент семей «трудных» подростков какими-либо выраженными девиантными характеристиками не обладают. Более того, уровень доверительных отношений с родителями необычно высок именно в этой группе.

Видно, что учителя совершенно не воспринимаются школьниками как «старшие товарищи», с которыми можно поделиться своими проблемами. Лучше ситуация с родителями – на достаточно доверительные отношения с ними указывают в среднем четверть школьников (хотя это, безусловно, мало). Как и ожидалось, на первом месте по доверию оказались друзья, что, с одной стороны, можно отнести к особенностям возрастной психологии, а с другой – это один из симптомов «разрыва поколений». Единственный «негативный» показатель (см. таблицу 3), который опровергает образ «благополучия» в семьях, прослеживается в ответах респондентов, состоящих на учёте в КДН (2010-11 гг.) – только 26,26% указали, что делятся своими проблемами с родителями.

Таблица 3

«С кем обычно делишься своими проблемами и советуешься?», %

Варианты ответов	2005, учащиеся 9-11-х классов	2007, «трудные подростки»	2008		2011	
			Учащаяся молодёжь	Работающая молодёжь	Подростки МЛС	Подростки КДН
С родителями	24,8	39,8	29,4	20,2	45,0	26,26
С братом (сестрой)	13,1	10,8	11,3	4,8	10,0	10,1
С учителями	0,3	0,6	0,6	–	3,33	0,76
С друзьями	44,8	32,3	33,7	13,5	20,0	44,32
С кем угодно, по-разному	10,5	5,8	6,7	6,7	1,67	3,91
Ни с кем	6,3	10,8	10,4	9,6	8,33	11,27
С женой (мужем)	–	–	0,3	24,0	0	0
Со своей девушкой (парнем)	–	–	6,1	2,9	0	0
Со священником	–	–	–	–	10,0	0,38
Затрудняюсь ответить	–	–	1,2	18,3	1,67	0,25
Другое	–	–	–	–	–	2,15
Всего	100	100	100	100	100	100

Примерно каждый десятый подросток испытывает стресс одиночества – им не с кем посоветоваться или поделиться своими проблемами. Это, кстати, весьма тревожный показатель и статистически заметный. Десятая часть подростков – в зоне особого риска: вероятность суицида, употребления наркотиков, устойчивой асоциальности для них выше в разы.

Представляется, что, судя по схожести ответов «трудных» и «обычных» подростков о ситуации в семье, проявляет себя необычная тенденция «сбоя» воспитательной функции «нормальной» семьи – где есть оба родителя, подросток находится под надзором, о нём заботятся, где нет частых ссор и конфликтов между родителями. В современных условиях семья испытывает комплекс мощных деформирующих воздействий, приводящих к тому, что «нормальная» семья утрачивает важный воспитательный потенциал. Это то, о чём говорилось выше – «потребительская изоляция», когда во внешне благополучной семье подросток чувствует себя одиноким.

На высокий уровень одиночества «трудных» подростков, в свою очередь, указывают результаты ответа на вопрос: «Как ты поступаешь в трудной ситуации?» (исследование 2011 г.). Выяснилось (см. рис. 1), что почти половина (49%) предпочитают (или вынуждены?) справляться с трудностями самостоятельно. Лишь 38% решают проблемы, советуясь или просто разговаривая по душам с кем-нибудь. Это ещё одно указание на проблему *деформации первичных отношений*: дефицит значимых взрослых и недостаток настоящих друзей.

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос: «Как ты поступаешь в трудной ситуации?», %

В 2007 г. «трудным подросткам» задавался отдельный вопрос о том, приходилось ли им сталкиваться со случаями насилия и унижения со стороны сверстников, и если да, то кому они об этом сообщали. Такие вопросы относятся к «щекотливым», поэтому многие подростки уклонились от ответа на него (что само по себе свидетельствует о наличии этих явлений). Судя же по полученным ответам, приходилось

Примерно каждый десятый подросток испытывает стресс одиночества – им не с кем посоветоваться или поделиться своими проблемами.

сталкиваться с физическим насилием – 42,9% подростков; с сексуальным насилием – 9,5%; с вымогательством – 26,2%; с издевательствами, унижениями – 57,1%. Однако на вопрос «Кому сообщал о случаях насилия?» ответило значительно большее число подростков – более двух третей. Ответы показали, что родители и друзья – источник поддержки в ситуации насилия примерно для четверти подростков (по 29,1%). Учителя в качестве тех, к кому можно обратиться за помощью, большинством подростков не рассматриваются (всего 8,5%). В милицию обратились 4,5%. При этом необходимо подчеркнуть тот факт, что почти половина подростков никому не рассказывали о произошедшем (47,8%).

Таким образом, мы можем сделать два значимых вывода:

1. Уровень виктимизации подростков со стороны сверстников достаточно высок, более двух третей подростков сталкивались с давлением и насилием со стороны сверстников.

2. Большая часть виктимизированных подростков справляются со своими проблемами в одиночку. Это тревожный симптом, он указывает на то, что и у родителей, и, тем более, у школы и органов надзора нет возможностей защитить подростка.

Отсутствие доверительной поддержки в ситуациях виктимизации для большинства подростков с высокой вероятностью будет способствовать, во-первых, повышению уровня депрессий, психических расстройств и самоубийств; во-вторых, проявлению ответных форм агрессии (как правило, более разрушительных). Обобщая данные, можно утверждать, что взрослые из ближайшего «культурного» окружения неблагополучных подростков в редких случаях становятся «значимыми». Следовательно, пример для подражания подростки чаще всего находят в лице лидеров подростковых группировок или «кумиров».

Примеры и кумиры

В исследовании 2005-06 гг. мы пытались выяснить, откуда молодёжь берёт образцы для подражания, кто для сегодняшних школьников является эталоном. Мы просили назвать любого героя фильма (актёра, играющего героя, или хотя бы сам фильм). Результаты анализа представлены ниже.

Фильмы. Общая структура предпочтений в отношении любимых героев фильмов такова: не смогли назвать любимый фильм/героя 29% старшеклассников; назвали героев зарубежных кинофильмов 15,5%, отечественных – 11%; указали зарубежных актёров 14,3%, отечественных – 2,3%; сказочных, детских персонажей отметили 4,5%. Лидерами рей-

Взрослые из ближайшего «культурного» окружения неблагополучных подростков в редких случаях становятся «значимыми». Следовательно, пример для подражания подростки чаще всего находят в лице лидеров подростковых группировок или «кумиров».

тинга по перечисленным выше категориям стали герои зарубежных кинофильмов: *Вин-Дизель* из к/ф «*Форсаж*»; герои «*Властелина колец*»; отечественных кинофильмов: *А. Белов* и другие герои сериала «*Бригада*»; *Антон Городецкий* и другие герои «*Ночного дозора*»; *Кот* из фильма «*Бумер*»; зарубежные актеры: *Арнольд Шварценеггер*, *Бред Пит*, *Джеки Чан*, *Джим Керри*; сказочные, детские персонажи: *Шрек*, *Человек-паук*. Максимум симпатий набрали герои сериала «*Бригада*» – бандиты, показанные в сериале весьма привлекательно.

Книги. Здесь дело хуже. Практически половина опрошенных (44,4%) не смогли назвать любимую книгу или героя; другими словами, почти половина школьников просто не читают. Относительно многие (21%) указывали в своих ответах персонажей русской классики – спасибо школьной программе. Ещё 11% назвали сказочных, детских персонажей – это эпатаж, стремление скрыть тот факт, что большинство из них не читают. Таким образом, школа приобщает к литературе (в рамках программы) примерно пятую часть учеников. Самостоятельно читают около 13% – те, кто указал современную отечественную и западную литературу. Жанры – преимущественно детективы и фантастика. Это вполне согласуется с данными, полученными в ответах на вопросы относительно свободного времени школьников. Лидерами рейтинга по перечисленным выше категориям стали: отечественная классика XIX-XX вв.: *Евгений Онегин*, *Татьяна* («*Евгений Онегин*»), *Воланд* («*Мастер и Маргарита*»); современная отечественная литература: *Даша Васильева Д. Донцовой*, *Антон Городецкий* («*Ночной дозор*»); детская литература: *Колобок*, *Винни-Пух*; современная западная литература: *Гарри Поттер*; зарубежная классика XIX-XX вв.: *Ромео* («*Ромео и Джульетта*»).

В заключение можно сказать, что конструктивных героев и кумиров у современных школьников мало. Их внимание захватывают современные развлекательные персонажи, демонстрирующие силу, индивидуализм, сексуальность, беззаботность и экстравагантность.

В другом исследовании (2006 г.) вопрос о примерах и кумирах молодёжи выяснялся более прямолинейно. Респондентам задавался вопрос «Кто является для тебя примером для подражания?». Подчёркивалось, что «это может быть любой реальный человек; например, родственник, знакомый или персонаж какого-либо фильма (книги)». Учащиеся должны были самостоятельно вписать вариант ответа на этот вопрос. Результаты анализа ответов таковы: *не ответили* – 21%; *их нет* – 45,3%; *я сам* – 10%; *родители* – 7,7; *мама* – 6,3%; *отец* – 4,2%; *другое* – 5,5%.

Очевиден кризис образцов для подражания у нынешнего поколения. Абсолютное большинство ответивших указали, что примеров для подражания у них нет. Родители хотя

и занимают второе место по популярности, но их авторитет в качестве примеров для подражания пугающе низок. Самая тревожная тенденция из всех, выявленных в данном исследовании, – острый дефицит позитивной героики и примеров. Предоставить школьникам эти образцы – важнейшая задача как семьи, так и школы; в противном случае деформации в социализации и жизненном становлении, наблюдаемые на фоне разрыва поколений, становятся неизбежными.

Разумеется, приведённые выше данные не следует принимать на веру. На деле процент читающих школьников ещё ниже. Преподавательский опыт подсказывает, что значительная часть «благополучных», указавших в качестве *любимых* героев Татьяну Ларину или Евгения Онегина (наиболее популярные примеры), несколько слукавили, назвав имена героев, которых недавно *проходили* по школьной программе. Общий печальный вывод – любовь к чтению более-менее серьёзной литературы (включая старые добрые приключенческие книжки типа «Дети капитана Гранта») уходит в прошлое, а героев для подражания молодёжь чаще всего выбирает из современных фильмов, сериалов и телепередач, которые в большинстве своём являются низкопробным продуктом массовой культуры.

В качестве комментария: прощай, Гутенберг?

Итак, книг подростки почти не читают; и мы пришли к тому же, к чему пришёл весь западный мир несколько раньше – массовое телевидение вытеснило массовое чтение. На первый взгляд, можно сказать, что ничего страшного в этом нет: поменялся тип информационных носителей, печатный станок устарел, телевидение и интернет более современны.

Это так, однако распространение массовой литературы не вызывало тех *психо-патологических последствий*, которые связаны с распространением телевидения. *В первую очередь*, это ослабление внимания и способности сосредоточиваться, поскольку, в отличие от чтения, просмотр телевизора легко становится фоновым занятием и может сочетаться с другими видами деятельности. *Во-вторых*, снижение способностей к интеллектуальной мобилизации и пониманию вследствие привычки к лёгкой для восприятия аудио-визуальной информации. В отличие от телевидения, книга требует сосредоточенности и интеллектуальных усилий. *В-третьих*, формирование «мозаичной памяти» и «мозаичного сознания» у регулярно смотрящих телевизор вследствие мозаичности и семантической «разноголосицы» телеинформации [Седляк 1997].

Передача информации через звук и изображение представляет собой значительный прорыв на пути упрощения её восприятия по сравнению с печатными технологиями. Но вот здесь

Любовь к чтению более или менее серьёзной литературы уходит в прошлое, а героев для подражания молодёжь чаще всего выбирает из современных фильмов, сериалов и телепередач.

и вмешиваются «непродвинутые» закономерности интеллектуально-психической деятельности. Восприятие информации через печатно-вербальные каналы требует довольно напряжённой работы сознания и воображения, усилий интеллекта, тогда как эмоционально окрашенные аудио-визуальные образы намного более доступны для восприятия, опираясь скорее на подсознательные, чем на сознательные механизмы психики [Зимбардо, Ляйппе 2011]. Таким образом, визуальная информация, сопровождаемая звукоорядом, представляет собой «рафинированную пищу» для человеческого сознания, не требующую от него сложных усилий по «перевариванию». Акцентирование поведенческих и имиджевых характеристик киногероев, поддерживаемое соответствующим звукоорядом, позволяет зрителю сразу однозначно понять характер и смысл поступков персонажа. Аналогичным образом популярная музыка в своём триумфальном распространении опирается не столько на знание языка и понимание текстов, сколько на эмоционально-образное восприятие и ассоциативный ряд, определяемый группой несложных эмоций – возбуждение, воодушевление, печаль [Феномены социокультурного... 1999]. *Эмоционально-образное восприятие всегда проще абстрактно-логического.*

Что же ожидает наших старшеклассников, называющих в качестве любимого книжного героя Винни-Пуха? Влияние масс-медиа, предоставляющих сознанию простые, эмоционально окрашенные образы действительности, которые в принципе не предполагают критичного к себе отношения, а действуют в режиме подсказки-наставления, формирует привычку **потреблять информацию**. Сознание, сформированное таким образом, при столкновении с любым когнитивным затруднением будет стремиться найти уже готовый ответ или рецепт, вместо того чтобы внимательно и глубоко анализировать возникшую проблему. По-видимому, именно в таком – потребительском – медиа-мышлении значительной части современных российских школьников и студентов заключены те пугающие процессы **исчезновения подлинности образования** [Остапенко 2011], которые периодически становятся темами острых критических исследований проблемы «качества образования».

Вместе с любовью к книгам катастрофически быстро уходят в прошлое студенты, проявляющие искренний глубокий интерес к предметам, которые они изучают в вузе. Сказанное ни в коем случае не следует понимать в том смысле, что «современная молодёжь стала тупой и ленивой». Нет! Среди современных студентов (чаще среди девушек, чем юношей) достаточно много умных, старательных, аккуратных, по праву заслуживающих отличные оценки и красный диплом. Лентяев, правда, стало больше, чем в советские времена, но это во многом следствие снижения контроля и дисциплины в вузах, что является отдельной проблемой и заслуживает отдельного рассмотрения. Однако

речь идёт о благополучных студентах, которыми занимались родители, помнящих, что «без труда рыбки не вытащить», студентах целеустремлённых и ответственных. Так вот среди них, по нашим наблюдениям, стремительно снижается процент вовлечённых в то, *что именно* они изучают. При этом они старательно слушают лекции, активно работают на семинарах, исправно выполняют домашние задания. Они всеми силами стремятся *сдать* предмет и *получить* высокую оценку. Но, к сожалению, всё реже пытаются *понять* конкретные истины и разобраться в сути вопроса. Их интересует в первую очередь *результат* экзамена, а не *содержание* предмета.

Наши наблюдения вполне тривиальны. Похожие тенденции отмечают практически все исследователи современного образования. Один из крупнейших отечественных социологов Н. Е. Покровский, анализируя снижение интереса российских студентов к теоретическим курсам, указывает, что основной причиной этого является массовая ориентация на «полезное знание, т. е. знание ясное и доступное, чисто инструментальное и, что особенно важно, ведущее студентов после окончания вуза наикратчайшим путём к выгодной работе» [Покровский 2005]. Да, именно так – «научите меня зарабатывать деньги, прочее мне не интересно».

Конечно, примитивизация интеллектуальных способностей и мотивов студенчества – явление не сиюминутное. Это результат тех качественных и количественных изменений, которые захлестнули отечественное образование в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Подчеркнём, речь идёт о тенденции, о некоем общем векторе эволюции сознания студенчества, что отнюдь не исключает существования отдельных очень эрудированных, начитанных и гибко мыслящих представителей этого «древнего» весёлого народа. Только вот их наличие не отменяет тенденции, к сожалению. Причин, по нашему мнению, две. И они взаимосвязаны. Это «сокращение чтения» на фоне «увеличения смотрения».

Нормативное сознание, или «что такое плохо?»

В исследовании 2008-09 гг. мы проводили диагностику нормативно-ценностного сознания респондентов, опираясь на методику Е. В. Змановской [Змановская 2003], адаптированную под конкретные задачи исследования. Полученные данные показали нам нетривиальными: как будет показано ниже, в сознании подростков непростым образом смешались нормативность и денормативность.

Респондентам был предложен список из 28 возможных поступков взрослого человека, которые традиционно попадают в категорию нежелательных, недопустимых, т. е. отклонений от социальных норм различной степени тяжести. По каждому поступку респондент мог выбрать один из 5-ти вариантов ответа:

- категорически не допустимо;
- допустимо лишь в крайних случаях;
- допустимо, но не желательно;
- допустимо и является личным делом каждого;
- всегда допустимо и желательно.

Следует помнить, что в ответах на подобные вопросы уровень искренности респондентов, как правило, снижается. Все перечисленные формы поведения не входили в число социально одобряемых, поэтому ответы респондентов подчинялись закону социальной желательности. Соответственно, на основании этих ответов затруднительно точно определить уровень и масштабы девиантного поведения в подростково-молодёжной среде. Реальная поведенческая допустимость перечисленных поступков, скорее всего, несколько выше, чем можно судить по ответам наших респондентов.

Обобщая результаты анализа ответов на эти вопросы, мы выделили условные группы поступков, вызывающих у респондентов неприятие различного уровня.

В первую группу попали поступки, вызывающие *наибольшее неприятие* (свыше 50% посчитали их категорически недопустимыми). Ответы представлены в порядке убывания значимости: *употребление наркотиков, физическое насилие, кража, отказ матери от своего ребёнка, самоубийство, неуважение родителей.*

В отношении перечисленных поступков большинство респондентов занимают резко отрицательную позицию. Это радует, но нужно понимать, что ответы респондентов отражают их *отношение* к поступкам, но не позволяют точно прогнозировать их *собственное поведение*. Результаты многочисленных социально-психологических исследований свидетельствуют, что последнее часто зависит от конкретных ситуативных обстоятельств, а не декларируемых установок. Этот факт, к сожалению, часто не учитывается при интерпретации результатов опросов, посвящённых поведенческим проблемам.

Во вторую группу были включены поступки, к которым наблюдается *высокий уровень терпимости*, т. е. более трети – четверти респондентов посчитали их допустимыми (вариант ответа «допустимо и является личным делом каждого»). Это: *интимные отношения до брака, употребление алкогольных напитков, интимные отношения без любви, курение, развод, вступление в брак без любви.*

Список, как можно видеть, достаточно удручающий. Кроме того, ответы респондентов, будучи подчинены «закону социальной желательности» (всегда действующему в подобных исследованиях и выражающемуся в явной или неявной самоцензуре респондентов в ответах на «скользкие» вопросы), достаточно близко отражают содержание публичного морального дискурса. Заметим, что поступки из первой группы попадают (по крайней мере, пока) в категорию осуждаемых в публичном морально-правовом поле. Тогда как поступки из второй группы, напротив, часто получают публичное одобрение и поддержку, становясь темами модных фильмов, книг и статей, музыкальных произведений и поведенческими атрибутами культовых фигур и персонажей. Эти поступки – суть поведенческое выражение гедонистических ценностей потребительской культуры, в которую подростки и молодёжь погружены почти стопроцентно.

Наконец, в третью группу мы включили поступки, *уровень терпимости* к которым хотя и ниже, чем к поступкам из предыдущей группы, но в целом *достаточно высок* и свидетельствует о *кризисе нормативного сознания* (т. е. посчитали допустимыми, пусть и с некоторыми оговорками, свыше 20% респондентов). Это: *проституция, аборт, супружеская измена, дача взятки должностному лицу, гомосексуализм*.

Полученные результаты не могут не вызывать тревогу. Даже без учёта поправок на снижение искренности (понятно, что с их учётом результаты будут ещё печальнее), уровень терпимости к таким формам поведения, как супружеская измена, проституция и аборт, можно расценивать в качестве симптома *глубокого морального кризиса*. Ввиду высокого уровня терпимости к свободным интимным отношениям, эти ответы свидетельствуют о кризисе ценностей семьи, наиболее подверженных деформирующему влиянию агрессивной массовой культуры. Ответы респондентов показывают, что сфера межполовых отношений для современной молодёжи в большей степени регулируется ценностями удовольствия, нежели ответственности и долга. Это наиболее проблемная, на наш взгляд, сфера нормативного сознания молодёжи, требующая особого внимания и заботы со стороны власти. В первую очередь – в области контроля содержания материалов СМИ и других продуктов массовой культуры.

На основании полученных результатов мы попытались составить **обобщённый социологический портрет типичного российского подростка**. При этом мы опирались на «сквозные» – согласованные от исследования к исследованию – мнения и ответы респондентов (лишь часть которых приведена здесь). Однако нужно помнить, что *любая обобщённая типизация всегда достаточно условна*. Отдельные люди являются носителями в более или менее выраженной степени типичных

Ответы респондентов показывают, что сфера межполовых отношений для современной молодёжи в большей степени регулируется ценностями удовольствия, нежели ответственности и долга.

качеств и свойств, которые при этом никогда не исчерпывают всего богатства и разнообразия личностных черт. Скорее речь идёт о некоторых, достаточно часто встречающихся на индивидуальном уровне, сходных особенностях поведения, мышления и образа жизни.

Итак, кто же такой сегодняшний подросток?

Он испытывает дефицит продуктивных увлечений и интересов. Большую часть свободного времени проводит, готовя уроки, в компании друзей, смотря телевизор или слушая музыку. Читает редко. Часто скучает и хотел бы заняться чем-нибудь интересным. Однако не знает, чем. Основная среда общения, в том числе доверительного, когда можно поговорить о проблемах, посоветоваться, – сверстники. Достаточно распространены агрессивные формы поведения, насилие, драки. Становясь жертвой насилия, подросток чаще всего переживает это в одиночестве, реже – рассказывает друзьям или родителям.

На фоне снижения интереса к чтению и разноголо- сицы телеэкрана у нашего героя наблюдается острый дефицит позитивной героики, образцов для подражания. При этом родители, как и школа, для нашего респондента – менее авторитетные источники интересной и полезной информации, чем телевидение и сверстники.

Современный подросток достаточно чётко определился в основных жизненных предпочтениях. В будущем он хочет иметь семью и воспитывать детей, иметь высокооплачиваемую и интересную работу и быть самостоятельным. И он знает, что путь к успеху – это много трудиться и работать над собой, получить качественное образование и не упустить свой шанс. С другой стороны, эти знания часто декларативны, на деле большая часть молодёжи демонстрирует приверженность ценностям удовольствий и развлечений, нежели усилий и достижений.

Типичный представитель учащейся молодёжи – «разумный эгоист». На первом месте для него личный успех и благополучие своё и близких. Его мало привлекают идеалы социального служения и гражданского долга. Он знает, что в современной жизни нужно быть уверенным в себе, умным и сильным, что в жизни плохо приходится людям доверчивым, слабым, одиноким и глупым. Представление о желательных личностных качествах складывается у современного подростка почти исключительно вокруг понятия «эффективность» и мало связано с нравственным измерением (добротой и честностью).

Его морально-нравственное сознание размыто. Он категорически против употребления наркотиков, физического насилия и самоубийства. В то же время достаточно терпимо относится к сексуальной свободе, абортам и проституции. Считает, что воровать – плохо, но при этом терпимо относится к взяткам. В целом мораль типичного подростка носит выраженный гедонистический характер и во многом определяет

(наблюдаемый у значительного числа подростков) *деформированный нравственно-психологический профиль личности*. Его составляющие: *выраженная прагматичность ценностных ориентаций, размытость морально-нравственных ориентиров, пассивность, безволие, инфантилизм*.

Разумеется, возможна иная интерпретация представленных результатов, сформулированная кратко как призыв «не сгущать краски»: *«Ну есть проблемы у молодёжи, а когда их у неё не было? Меняется социум, меняется культура, меняется мораль. Молодёжь – индикатор перемен, которые делают современность “текучей” (З. Бауман) и труднопони-маемой для консервативного сознания её отцов и учителей»*. Что ж, существует и такая точка зрения. Однако тот факт, что сфера нормативно-ценностного сознания молодёжи представляет собой обширное поле деятельности не только для учёных-исследователей, но и для практиков (педагогов, органов власти и внутренних дел, церкви, молодёжных организаций и т. п.), сомнения не вызывает. Ведь именно этой молодёжи в ближайшем будущем предстоит определять, какой станет Россия.

Между Р. Мертоном и А. Коэном: попытка концептуализации

Попытка как-то концептуализировать приведённые выше факты и размышления заставляет обратиться к потенциалу признанных теорий девиантного поведения. В качестве наиболее «работающих» нам видятся теория социального напряжения Р. Мертона и субкультурная теория А. Коэна.

Соединив положения этих двух теорий, мы получаем типологию девиантных субкультур. Из [таблицы 4](#) видно, что представленные типы различаются между собой прежде всего тем, какая из форм девиантного поведения (по Р. Мертону) является в каждом из них доминирующей. Но если первые три типа девиантных субкультур – криминальная, протестная и отступающая – достаточно давно описаны в научной литературе и учебниках, то введение четвёртого уровня – потребительской субкультуры – дополняет эту типологию. Здесь мы опираемся на расширительное толкование мертоновского понятия «*ритуализм*». Сам Мертон под этим термином понимал разочарованность социальных акторов в достижении социально значимых целей, в первую очередь богатства и успеха, при соблюдении ими институциональных норм [Мертон 1992]. Мы же в данном случае трактуем *ритуализм* как *вообще формальное, внешнее выполнение социальных обязательств (учёба, работа, помощь по дому и т. п.) при низкой заинтересованности в содержании выполняемой деятельности* (например: учиться не хочу, но деваться некуда).

Таблица 4

Типология девиантных субкультур

Тип субкультуры	Доминирующий вид поведения	Господствующие ценности	Отношение к нарушениям норм	Носители
1. Криминальная	Иновация (противозаконные методы достижения целей)	Успех и благополучие. Сила и дисциплина. В то же время, ценятся ум и организаторские способности с точки зрения их полезности	Инструментальное – нарушают, если это выгодно, и не нарушают, если невыгодно	Организованные преступные группы, коррумпированные представители власти. Отчасти – профессиональные преступники
2. Протестная	Мятеж (протест против общества)	Насилие, секс, противопоставление себя обществу, верность альтернативному образу жизни	Ценностное – нарушают публично и принципиально, противопоставляя себя обществу	Фанаты, мотоциклетные банды, бродяги, футбольные болельщики. Отчасти – профессиональные преступники
3. Отступающая	Отступление (отказ от ценностей общества)	Нет ясной системы, часто ценится непохожесть, альтернативность. Пассивный гедонизм	Не принципиальное	Алкоголики, наркоманы, сторонники «компью-терного» образа жизни, «готы», поклонники «альтернативной музыки» (уличный рок)
4. Потребительская	Ритуализм (формальное отношение к нормам и правилам)	Удовольствие и потребление. Формальное принятие «нормальных» ценностей, пассивность, отсутствие интересов.	Случайное, «от скуки», иногда, как следствие стремления испытать удовольствие (например, алкоголь или порнография)	«Обычные подростки» из «благополучных семей», не имеющие выраженных целей и интересов, скучающие, любители «расслабухи»

Именно четвёртый субкультурный тип является, с нашей точки зрения, доминирующим в подростково-молодёжной среде. Его характерные черты – пассивный гедонизм и отсутствие настоящих интересов, лень, безволие носителей этой субкультуры. Представители этого типа, в отличие от носителей других субкультур, не оформляются в более или менее локальные группы, а диффузно «размыты» в социуме. Вхождение в субкультуру, как и выход из неё, не сопровождается какими-либо формами социальной идентификации и может быть эпизодическим и неоднократно повторяемым.

Разумеется, сказанное не более чем попытка постановки проблемы, которая ещё требует серьёзного уточнения и анализа. Однако, в силу специфики определённой культурной традиции, напрашивается извечный вопрос русской интеллигенции: что делать?

Что делать?

Один из ответов может быть таким: вспомнить об исторической миссии интеллигенции – простой и величественной. Она состоит в воспроизводстве смыслов. Общество ведь нуждается в двух видах пищи – материальной и духовной. И если задача класса менеджеров и предпринимателей заключается в воспроизводстве пищи материальной, задача класса «силовиков» – в обеспечении материальной (физической) безопасности, то задача интеллигенции – воспроизводство пищи духовной и обеспечение безопасности духовной. На практике это означает нахождение правильных символов для выражения правильных идей.

Возникает вопрос – «Разве можно делить идеи на правильные и неправильные?!». Можно! Правильные идеи в любом обществе – это те, которые выражают, с одной стороны, общечеловеческие смыслы (Милосердие, Правда, Долг, Верность и др.), а с другой – специфические смыслы конкретной культуры. Такие идеи прекрасны и необходимы обществу: богатство и разнообразие национальных культур в них объединяются общечеловеческим содержанием ключевых ценностей.

И универсальные, и национально-культурные смыслы выражаются с помощью различных символов (слов, картин, звуков музыки) и языков (литературы, музыки, живописи и т. д.). Но любые символы неизбежно стареют, перестают будить ум и сердце, и тогда смыслы уходят. Таково свойство человека – привычка лишает даже великие символы их силы. И возникает соблазн сомнения: истина становится туманной, неоднозначной, и всё большее количество людей *всерьёз* повторяют скептический вопрос Пилата: «Что есть Истина?».

В такие моменты на исторической сцене культуры всегда появляется множество авантюристов, провозглашающих «смерть старого мира», отрицающих вечные ценности и соблазняющих общество сломанными табу. XX век дал тому множество примеров – от лозунга русского футуризма: «сбросим Пушкина, Достоевского и Толстого с парохода современности» до лозунга американской контркультуры: «секс, наркотики и рок-н-ролл». В такие моменты и проявляется великая историческая миссия интеллигенции – найти новые символы для вечных смыслов, вернуть культуру в лоно общечеловеческих и национальных ценностей, донести до людей правду на понятном им языке. Если не удаётся это совмещение общечеловеческого и национального, то народ (нация, культура) погибает.

И здесь на первый план выходит не наука с её рациональным дискурсом, а искусство с его способностью обращаться к разуму через сердце. «Воспитание добродетели» – вот ключевая задача социально ориентированного искусства. Вспомним опыт СССР: 1920-50-е гг. – это расцвет жанра плаката, наглядной агитации (помимо расцвета специфической детской литературы типа «Честное слово» Л. Пантелеева или «Что такое хорошо» В. Маяковского). Там превалируют позитивные образы, вызывающие *потребность в приобщении*, желание следовать за ними, быть похожими. Главная задача сегодня – вызвать эту потребность в приобщении позитивным образам. Здесь и заключается собственно творческая часть работы. Художникам и писателям 1930-х это удавалось, с учётом культуры и психологии их аудитории. Сегодня психология и культура изменились очень сильно, но есть надежда, что глубинные архетипы нашей культуры, имеющие православные религиозные корни, всё ещё живы. Ключевое в этих архетипах – поиск смысла и милосердия – то, что лежит в основании великой русской классической литературы. Но сегодня, к сожалению, для большинства молодёжи язык культурной классики – мёртвый язык. Оживить настоящие ценности и добродетели – вот тот вызов, на который должны ответить российская интеллигенция вообще и социально ориентированное искусство в частности. Ибо если ответа не будет, нам предстоит в самом ближайшем будущем окончательно переселиться в постчеловеческую реальность постмодерна.

Библиографический список

1. Бауман З. 2002. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос.
2. Бодрийар Ж. 2000. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Перевод с фр. Н. В. Сулова. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

Оживить настоящие ценности и добродетели – вот тот вызов, на который должны ответить российская интеллигенция вообще и социально ориентированное искусство в частности.

3. Борцов Ю. С., Матяш Д. В., Харламова Г. С. 1999. Феномены социокультурного пространства (власть, музыка, смерть, информационные технологии). – Ростов-на-Дону.
4. Бьюкенен П. Дж. 2003. Смерть Запада / Пер. с англ. А. Башкирова. – М.: АСТ.
5. Зимбардо Ф., Ляйппе М. 2001. Социальное влияние / Пер. с англ. – СПб.: Питер.
6. Змановская Е. В. 2003. Девиантология. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия».
7. Комлев Ю. Ю. 2011. Уголовно-правовой рецидивизм в молодёжной среде: девиантологическая перспектива профилактики с позиций теории стигматизации // Феноменология и профилактика девиантного поведения / Материалы 5-й Всероссийской научно-практической конференции 17-18 ноября 2011 г. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России.
8. Кравченко С. А. 2009. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. – М.: Анкил.
9. Краткий анализ состояния преступности. 2010 // Бузулукские новости. 9 декабря.
10. Макиннтаир А. 2000. После добродетели: Исследование теории морали / Пер. с англ. В. В. Целищева – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга.
11. Мертон К. Р. 1992. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. № 3.
12. Остапенко А. А. 2011. Типы нарушений нормального взросления несовершеннолетних в семье и пути их преодоления // Хагуров Т. А., Остапенко А. А., Чепелева Л. М. Индивидуальная профилактическая работа с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении. – Краснодар: Холидэй.
13. Позднякова М. Е. 2009. К проблеме алкогольного поведения населения России // Феноменология и профилактика девиантного поведения / Материалы 3-й Всероссийской научно-практической конференции 29-30 октября 2009 г. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России.
14. Позднякова М. Е. 2010. Алкоголизация населения как фактор дестабилизации Российского общества // Феноменология и профилактика девиантного поведения / Материалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции 28-29 октября 2010. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России.

15. Покровский Н. Е. 2005. О совершенствовании преподавания теоретико-социологических дисциплин // Социологические исследования. № 10.
16. Потреблятьство: болезнь, угрожающая миру. 2001 / Дж. де Грааф, Д. Ванн, Т. Х. Нэйлор; Пер. с англ. Н. Макарова. – М.: Ультра. Культура.
17. Проблемы духовно-нравственного состояния общества и подрастающего поколения. 2009 // Милосердие.ru. Православный портал о благотворительности и социальной деятельности. 02.10.2009. URL: <http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=20&s=24&id=10259> [Дата посещения: 23.10.2013].
18. Седляк В. 1997. Homo electronicus // Культурология. XX век: Дайджест / Российская Академия наук. Институт научной информации по общественным наукам. Т. 1. – М.
19. Солдатова Г. В. 2012 // Дети в информационном обществе. Журнал. URL: <http://detionline.com/journal/authors/articles/soldatova> [Дата посещения: 23.10.2013].
20. Статистика самоубийств среди подростков в России. Справка // РИА Новости. 20.02.2012. URL: <http://ria.ru/spravka/20120220/570313334.html> [Дата посещения: 23.10.2013].
21. Хагуров Т. А. 2006. Консьюмеризация образования: обучающие и воспитательные дисфункции современной школы в контексте распространения потребительской культуры // Народное образование. № 9.
22. Хагуров Т. А. 2010. Кризис идеального как генератор девиаций в российском обществе // Феноменология и профилактика девиантного поведения / Материалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции 28-29 октября 2010. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России.
23. Хагуров Т. А. 2011. Высшее образование: между служением и услугой // Высшее образование в России. № 4.
24. Хагуров Т. А., Чепелева Л. М., Войнова Е. А., Резник А. П. 2011. «Трудные» подростки в «трудном обществе» (опыт социологического исследования нормативного сознания и образа жизни региональной молодёжи 2000-х). – Краснодар: Холидэй.